

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

 ORIENTALIA[®]

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Studies
St. Petersburg Branch**

**РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал**

T. A. PANG

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ПАН

**MANCHU WRITTEN SOURCES
ON THE HISTORY AND
CULTURE OF THE QING EMPIRE
IN THE 17—18th Centuries**

**МАНЬЧЖУРСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ИМПЕРИИ ЦИН XVII—XVIII ВВ.**

St. Petersburg
2006

Санкт-Петербург
2006

УДК 94(510)

ББК ТЗ(5Кит1)5.01

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения*

Ответственный редактор
проф., доктор ист. наук, *Е. И. Кычанов*

*Издание осуществлено при финансовом участии
Фонда международного научного обмена Цзян Цзин-го*

Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII—XVIII вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 228 с. (Orientalia).

*Памяти Майи Петровны Волковой
и всех российских маньчжуроведов
посвящается*

П 16 В основу книги положено исследование письменных источников на маньчжурском и китайском языках, касающихся ранней истории цинского государства, его историографии, идеологии, религии, а также литературы и лексикографии маньчжуров XVII—XVIII вв. Принципиально важным является вывод о том, что за первые сто пятьдесят лет существования империи Цин (1644—1912) маньчжурам удалось создать своеобразную культуру, сочетающую в себе китайские, маньчжурские, монгольские, тибетские и позднее уйгурские элементы. При этом письменные источники позволяют четко выделить национальную маньчжурскую составляющую.

Содержащиеся в книге факты, материалы и выводы могут быть использованы при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по истории Китая и Дальнего Востока, а также по маньчжурскому языку, литературе и религии. Кроме того, они актуальны и при изучении истории народов российского Приморья и Приамурья, длительное время находившихся под сильным влиянием цинского Китая.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-309-1

© Т. А. Пан, 2006

© «Петербургское Востоковедение», 2006

Зарегистрированная торговая марка

ORIENTALIA Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая монография посвящена исследованию маньчжурских памятников по истории и культуре одного из самых сложных и интересных периодов истории Китая — империи Цин (1644—1912), которая воплотила в себе весь опыт китайской цивилизации, обогатив его национальной культурой господствовавшей народности — маньчжуров, а также культурой вошедших в нее народов Монголии, Тибета и Восточного Туркестана. Несмотря на то, что маньчжуры были приглашены в Китай У Саньгуем и другими генералами династии Мин (1368—1644) для подавления народного восстания и что они в определенной мере вели себя как завоеватели (заставили мужчин-китайцев в знак лояльности по отношению к маньчжурской династии носить косу, маньчжурская же знать и знаменные войска заняли привилегированное положение), маньчжурское господство имело свои особенности, несопоставимые с особенностями господства чжурчжэньского при династии Цзинь (1115—1234) или монгольского при династии Юань (1271—1368). Историков интересовал ответ на вопрос, почему же маньчжурам, столь немногочисленному народу, проживавшему на северо-востоке мощной китайской цивилизации, удалось захватить китайский трон и так долго удерживать его. Оставляя в стороне события 1644 г. и обращаясь с оригинальным источником на маньчжурском языке, я попытаюсь проанализировать причины этого явления.

Маньчжуроведение как наука зародилось в XVIII в., и первыми исследователями маньчжурской культуры были западные миссионеры и члены Российской Пекинской духовной миссии. Поскольку маньчжурские тексты, в силу однозначности грамматических конструкций, были значительно проще для понимания, чем их классические китайские оригиналы, большинство пересказов китайских произведений и переводов их на европейские языки были сделаны через маньчжурский. Маньчжурские и китайские книги стали появляться в России и Европе с начала XVIII в. с установлением торговых и культурных связей с цинским Китаем. Весь этот материал

относился к истории и культуре империи Цин и изучался с равным вниманием на протяжении XVIII и XIX вв. Однако с падением маньчжурской династии акцент в исследованиях был перенесен исключительно на китайские тексты, при этом отрицалась историческая важность материалов на маньчжурском языке. Тем не менее, с середины XX в. европейское и японское востоковедение постепенно возвращалось к пониманию ценности маньчжурских документов, что послужило толчком к возрождению маньчжуроведения как самостоятельной науки.

Научная традиция русского маньчжуроведения являлась одной из самых сильных, и многие тексты цинского периода стали известны европейской науке через переводы на русский язык. Однако в 1930—1940-х гг. научная преемственность была фактически прервана по нескольким причинам, основными из которых явились антиманьчжурская (что связано с антимонархической) тенденция в изучении цинского периода, господствовавшая в международном востоковедении после свержения маньчжурской династии, а также Вторая мировая война, в период которой погибли многие маньчжуроведы старой русской школы. После войны маньчжурский язык и культура изучались отдельными учеными в плане сравнительного тунгусо-маньчжурского языкознания (О. П. Суник, В. И. Цинциус, В. А. Аврорин, И. Т. Мороз), недавно вышли отдельные грамматики маньчжурского языка В. А. Аврорина и Л. М. Гореловой, и лишь немногие специалисты обращались непосредственно к текстам (Е. П. Лебедева, М. П. Волкова, Л. В. Тюрюмина). Около 20 лет назад автор предлагаемой монографии продолжила начатое М. П. Волковой исследование материалов Рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Итогом этой работы явился комплексный систематический анализ всей совокупности дошедших до нас памятников маньчжурской рукописной и ксилографической культуры династии Цин XVII—XVIII вв. Результаты проведенного исследования подтверждают важность маньчжурских источников для изучения этого периода.

Маньчжурский язык и его письменность пережили этапы расцвета и почти полного забвения. Маньчжурская письменная литература имеет сравнительно короткую историю, и ее зарождение связано с возникновением и становлением маньчжурского государства в конце XVI в. В это время завершилась консолидация чжурчжэньских племен во главе с Нурхаци (1559—1626), объединившим в 1599 г. все племена, заселявшие территории округа Цзянь-

чжоу (к северо-востоку от современного города Шэньян), и создавшим в 1616 г. маньчжурское государство Поздняя Цзинь (в 1636 г. оно было переименовано в Великую Цин) (см.: [Мелихов 1974. С. 33; Kiyose Gisaburo 1998. P. 123—127])¹. Наряду с проблемами становления и организации государства встал вопрос о едином государственном языке и письменности. В результате длительных и постоянных контактов ранних маньчжурских племен с монголами языком делопроизводства того времени стал монгольский, и все вожди племен, в том числе и Нурхаци, владели им (см.: [Тэн Шаочжэнь 1986. С. 13—28]). За основу государственного языка Поздней Цзинь был взят диалект цзяньчжоуских чжурчжэней, а маньчжурская письменность была создана на базе монгольского письма с добавлением диакритических знаков — «точек и кружков». После установления в Китае в 1644 г. маньчжурской династии маньчжуры сохранили статус родного языка как государственного наравне с китайским языком. А поскольку с момента возникновения маньчжурского государства в его состав вошли различные монгольские племена, то фактически третьим государственным языком являлся монгольский язык. Все императорские и государственные документы, в частности документы, исходившие из Палаты внешних сношений, оформлялись на двух (китайском и маньчжурском), а иногда и на трех (китайском, маньчжурском и монгольском) языках. В данном случае монгольский язык как язык делопроизводства обязательно использовался для общения с многочисленными монголоязычными народами империи, на нем же издавалась и религиозная буддийская литература. Маньчжурские императоры надеялись, что это поможет предотвратить быструю ассимиляцию маньчжуров. На императорскую службу принимались только лица, сдавшие государственные экзамены, включавшие и экзамен по маньчжурскому языку, введенный указом императора Хун Тайчжи в 1634 г.

Маньчжурская письменность, возникшая в конце XVI в., зафиксировала все изменения языка, обогащение его лексики, эволюцию жанров и стилей произведений, что явилось прямым отражением становления и развития маньчжурской историографической лите-

¹ Период с конца XVI в. до 1636 г. я называю раннеманьчжурским, поскольку сами маньчжуры того времени называли себя *чжурчжэнь* — чжурчжэни, и лишь в 1635 г. был издан указ императора Хун Тайчжи, запретивший это самоназвание и узаконивший название «маньчжуры». Об имени второго маньчжурского императора см. ниже (гл. 2).

ратуры, идеологии, культуры и религии. Каждая новая ступень познания, вовлечения в круговорот мощной китайской цивилизации, переводы китайских исторических, классических философских и литературных текстов, буддийских сутр и апокрифов требовали расширения маньчжурского лексикона. На маньчжурском языке создавались первые исторические тексты, а затем литературные и религиозные произведения. В этом процессе активную роль играли не только маньчжуры-носители языка, но также монгольская и китайская ученая элита, изучавшая маньчжурский язык как обязательный для сдачи государственных экзаменов. Большая часть китайской бюрократии и китайской интеллигенции довольно рано перешла на сторону новой, маньчжурской династии и всячески способствовала созданию цинской культуры как многонациональной и двуязычной, что отличает ее от предыдущих культур, например, времен династий Тан (618—907), Сун (960—1279) и Мин (1368—1644). В связи с этим изучение периода империи Цин (1644—1912) находится на стыке двух востоковедных наук: китаеведения и маньчжуроведения.

Временные рамки предлагаемой книги определены XVII и XVIII вв. как периодом начала и расцвета цинской империи. Можно согласиться с мнением А. С. Мартынова, что «период Цяньлун (1736—1796. — Т. II.), особенно его последние годы, по-видимому, можно рассматривать как поворотный пункт: апогей позади, начался упадок, под знаменем которого пройдет весь следующий век» [Мартынов 1982. С. 218]. Именно в это время были созданы основные маньчжурские памятники, как оригинальные, так и переводы с китайского, монгольского и европейских языков.

Публикация каталогов маньчжурских коллекций в середине XX в. дала импульс к изучению маньчжурских фондов сначала в Европе, затем в Японии и Китае. В течение последних 20 лет мне посчастливилось изучить почти все европейские книжные хранилища, основными из которых являются Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения и тринадцать библиотек Парижа. Результатом этой работы явились научные монографии «Каталог маньчжурских материалов в Париже: рукописи, ксилографы, свитки, эстампажи, оружие» и «Описание маньчжурских рукописей и ксилографов СПбФ ИВ РАН. Вып. 2» (см.: [Пан I; II]). При составлении этих каталогов мною были найдены уникальные тексты и материалы, послужившие основой написания данной монографии. Чтобы наиболее полно и разносторонне отразить раз-

витие маньчжурской историографии и культуры, я использовала в работе редкие материалы доступных мне библиотек, включая все петербургские (библиотека Восточного факультета СПбГУ, Российская национальная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), Британскую библиотеку, японскую библиотеку Тоё бунко и ряд китайских библиотек (Пекинская национальная библиотека, Государственная китайская библиотека, библиотека Университета национальностей в Пекине). Анализ маньчжурских источников в сравнении с их китайскими вариантами позволяет говорить об их неочевидном значении для понимания истории и культуры империи Цин, которая имела национальные маньчжурские корни, но при этом подверглась сильному китайскому, монгольскому и тибетскому влиянию. Образовавшийся к концу XVIII в. сложный синтез в значительной мере затрудняет выявление национальных особенностей культуры правящей маньчжурской династии.

Данная монография основана на текстах, созданных маньчжурами, китайцами и монголами. Однако определенным пластом литературы на маньчжурском языке являются переводы европейских научных и религиозных текстов на маньчжурский язык, сделанные миссионерами-иезуитами. Описание их также включено в монографию отдельной главой.

Некоторые общие проблемы маньчжурской истории и культуры уже подробно исследованы в отечественной и зарубежной литературе XX в. Возникновению цинского государства посвящены специальные работы, основанные на китайских источниках, написаны общие очерки маньчжурской литературы (см. библиографию). Во избежание повторов я предпочла остановиться в настоящей работе на спорных вопросах и малоизученных текстах, тем самым вводя их в оборот отечественной науки. Распределение материала по разделам (маньчжурские памятники по истории Цин, религиозные тексты, литература на маньчжурском языке и маньчжурские словари и грамматики) позволит более наглядно показать маньчжурскую специфику материалов, относящихся к периоду Цин XVII—XVIII вв., и их актуальность для создания целостного представления о политической и культурной жизни Китая этого периода.

Этот историографический анализ предваряется главой, посвященной истории образования и изучения маньчжурских коллекций в Европе, поскольку именно на материалах этих собраний сложились ведущие маньчжуроведные школы XVIII—XX вв.: российская, французская и немецкая.

Все маньчжурские названия произведений даны в используемой в международной научной литературе латинской транслитерации по словарю Дж. Нормана [Norman 1978], монгольские и санскритские названия также приводятся в латинской транслитерации. Для китайских слов и названий текстов употребляется принятая в русской научной литературе транскрипция по «Большому китайско-русскому словарю» под редакцией И. М. Ошанина в дополнение к их китайскому иероглифическому написанию.

Идея написания этой книги созревала по мере моего знакомства с маньчжурскими коллекциями. О необходимости такой работы еще в самом начале моего научного пути говорила М. П. Волкова — мой первый проводник в мире маньчжурской книги. Под влиянием ее самоотверженной работы как рукописника, хранителя Рукописного отдела в то время Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, у меня возник интерес к маньчжурским рукописям и ксилографам, а также к наследию выдающихся российских маньчжуроведов и истории маньчжуроведения. Именно М. П. Волкова в 1953—1982 гг. была единственным продолжателем российской маньчжуроведно-китаистической традиции изучения письменных источников. Благодаря ее поддержке и помощи Л. Н. Меньшикова я смогла стать специалистом в этой области. Моя искренняя благодарность моим учителям-рукописникам не имеет предела.

В процессе работы над маньчжурскими источниками я с благодарностью пользовалась консультациями и трудами моих зарубежных коллег: Дж. Стари (университет Венеции), Х. Валравенс (Штатсбиблиотек, Берлин), М. Эллиот (университет Харвард), Э. Роски (университет Питтсбурга), Ван Чжунхань (Китайский университет национальностей), Лю Сяомэн (Институт современной истории Академии общественных наук Китая), Нобуо Канда, Тацуо Наками, Наото Като (Тоё Бунко, группа по изучению истории Цин), Хидехиро Окада и многих других специалистов в различных странах мира. Самые сердечные чувства признательности адресуются моим коллегам в Секторе Дальнего Востока СПбФ ИВ РАН и лично А. С. Мартынову и Е. И. Кычанову, а также В. Л. Успенскому, Г. Я. Смолину (Восточный факультет СПбГУ) и А. М. Решетову (Институт антропологии и этнографии народов мира РАН) за обсуждение и комментарии во время подготовки рукописи к печати. И особенно благодарна я моим родителям Пан Ину и В. Н. Пан, а также сестре Ольге и дочери Кате за терпение и поддержку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКИХ ФОНДОВ В ЕВРОПЕ	13
1.1. Маньчжурский фонд Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН — как крупнейшее собрание России	15
1.1.1. История образования маньчжурской коллекции СПбФ ИВ РАН.	15
1.1.2. История изучения маньчжурской коллекции Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН	24
1.2. Маньчжурский фонд Национальной библиотеки в Париже как крупнейшая коллекция Западной Европы	28
Глава 2. МАНЬЧЖУРСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦИН	34
2.1. Ранние документы по истории маньчжуров	36
2.1.1. <i>Маньвэнь лао дан, Цзю маньчжоу дан</i> и рукопись из Музея Гиме	36
2.1.2. Сведения ранних маньчжурских источников об имени второго маньчжурского императора Хун Тайчжи.	46
2.2. «Обращение Поздней Цзинь к минскому императору Ваньли»	52
2.3. Маньчжурские версии <i>ши лу, бэньцзи</i> и <i>шэн сюнь</i>	59
2.4. Маньчжурские памятники по законодательству и военно-административной организации цинского государства	64
Глава 3. РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕКСТЫ НА МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ	68
3.1. Шаманство	68
3.2. Буддизм	78
3.3. Даосизм	87
Глава 4. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ	91
4.1. Переводная маньчжурская литература.	91
4.1.1. Переводы конфуцианских произведений	91
4.1.2. Переводы художественной литературы	95

4.2. Оригинальная маньчжурская литература	99
4.2.1. «Написанная императором Ода Мукдену»	101
4.2.2. «Рассказы ста двадцати старцев»	108
4.2.3. «Сто глав»	114
Глава 5. МАНЬЧЖУРСКИЙ ЯЗЫК: СЛОВАРИ, ГРАММАТИКИ, ХРЕСТОМАТИИ.	120
5.1. Словари и грамматики	121
5.2. Учебные хрестоматии	127
Глава 6. ПЕРЕВОДЫ И ТРУДЫ НА МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫПОЛНЕННЫЕ МИССИОНЕРАМИ	135
6.1. Научные труды	136
6.1.1. Математика	136
6.1.2. Картография	137
6.1.3. Медицина	142
6.2. Христианская литература	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
ПРИЛОЖЕНИЯ	159
<i>Приложение 1</i>	
Предисловие «Обращения Поздней Цзинь к минскому императору Ваньли»	159
<i>Приложение 2</i>	
Доклады трону по поводу маньчжурского перевода историй династий Ляо, Цзинь и Юань	163
<i>Приложение 3</i>	
Предисловие к «Написанной императором Оде Мукдену» <i>Han-i araha mukden-i fujurun-i bithe</i>	166
<i>Приложение 4</i>	
Предисловие Сун-юня к «Рассказам ста двадцати старцев» <i>Eti tanggū orin sakda-i sarkiyān</i>	168
<i>Приложение 5</i>	
Примеры из «Ста глав» <i>Tanggū meyen</i>	169
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	177
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	196
ДЕВИЗЫ ПРАВЛЕНИЯ И ИМЕНА МАНЬЧЖУРСКИХ ИМПЕРАТОРОВ	200
SUMMARY	201
ИЛЛЮСТРАЦИИ	205

серия

ORIENTALIA

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ПАН

МАНЬЧЖУРСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ИМПЕРИИ ЦИН XVII—XVIII вв.

научное издание

Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Отв. редактор — О. И. Трофимова

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 14.04.2006
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 14¹/₄ печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 312

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812) 235-15-86

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»

founded in 1992

in 2003 was included into

«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»

Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152

Phone, fax: 007-812-315-22-77

E-mail: pvost@peterlink.ru Web-site: <http://www.pvost.org>

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Qur'an (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan « Qur'an and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan « Qur'an of 'Uthman»).